

крещение принимать посредством обливания. (*Чагин Г.Н.* Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 263–265).

⁷⁶ Собеседования в г. Чердыни миссионера священника Ф. Логиновских с расколоучителем С.Д. Кустовым // ПЕВ. 1901. Неофиц. отд. № 12. С. 320–321.

⁷⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 8 об., 12 об.

⁷⁸ *Л-н С.А.* Село Благовещенский завод // УЕВ. 1902. Неофиц. отд. № 5. С. 306–310.

⁷⁹ Корреспонденция из Рождественского завода (Ножовки) // ПЕВ. 1894. Неофиц. отд. № 21. С. 361–362.

⁸⁰ *Я-в.* Мое отступление от Св. Церкви и возвращение в недра ея, или рассказ обратившегося из раскола ко Св. Церкви гражданина города Златоуста // ОЕВ. 1874. Неофиц. отд. № 14. С. 536–539; № 15. С. 577–581.

⁸¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 161. Д. 1509. Л. 3–5.

⁸² ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 8 об.

Н.Д. Зольникова

НИЖНЕЕНИСЕЙСКИЙ СБОРНИК: ЧАСОВЕННОЕ СОГЛАСИЕ, НАЧАЛО XXI в.*

Нижнеенисейский сборник был прислан в Новосибирск на исходе лета 2004 г., но с частью его содержания мы познакомились полугодом ранее. Тогда от нижнеенисейского писателя–часовенного А.Г. Мурачева в числе других материалов поступил для копирования небольшой, объемом в 2 школьные тетради, сборник, переписанный его собственной рукой в конце 2003 г.¹ Сборник содержал чрезвычайно интересные материалы. Он открывался житиями Авраамия и Феодосия – особенно почитаемых иноков, стоявших у истоков часовенного согласия. Жития значительно отличались от опубликованных ранее; А.Т. Шашков взялся срочно подготовить присланные тексты для нового издания. Проанализировав их, он пришел к выводу, что в руки исследователей попала неизвестная ранее редакция Рукописи о древних отцах М.И. Галанина, которую А.Т. Шашков назвал Распространенной житийной. Исследователь блестяще и убедительно связал ее составление с часовенными книжниками д. Щелконоговой Тюменского уезда, которая в кон-

* Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ–1134. 2003. 6.

це XIX в. претендовала на роль центра почитания упомянутых иноков. В составе сборника обнаружилась и новая редакция Послания о вере того же М.И. Галанина, которую А.Т. Шашков также успел подготовить к печати. В разделе комментариев исследователь, давая первую краткую характеристику сборника, отметил, что остальное его содержание составляют материалы соборов часовенного согласия XVIII–XIX вв., среди которых оказались как ранее неизвестные (например, тексты, относящиеся к Кирсановскому 1789 г. и Пермскому 1888 г. соборам), так и известные частично (постановления Щелконоговского собора 1802 г. имелись лишь в компиляции) и т.д.² При сравнении опубликованных ранее постановлений соборов со списками сборника А.Г. Мурачева обнаруживается, что последние имеют отличия, которые также позволяют говорить о новых редакциях³. Таким образом, сборник А.Г. Мурачева в целом донес до нас какую-то особую местную рукописную традицию, возможно, также связанную, как предположил А.Т. Шашков в отношении сочинений М.И. Галанина, со Щелконоговским центром.

Естественно, столь оригинальный сборник вызвал резонный вопрос о его происхождении. В ответ А.Г. Мурачев прислал нам тот оригинал, откуда был позаимствован материал для составленного им в 2003 г. сборника. Это оказалась не рукопись, а ксерокопия, которая, по словам А.Г. Мурачева, была сделана для себя жителем Бурного (поселок на одном из притоков Нижнего Енисея). Афанасий Герасимович присовокупил к этому, что копировальные аппараты у староверов теперь не редкость, есть даже и в нижеенисейских скитах. Ксерокопия сделана, по всей видимости, в самые последние годы (до конца XX в. сведений о существовании современной копировальной техники на Нижнем Енисее не поступало). Невозможность увидеть бумагу оригинала, с которого сняли копию, сразу создает несколько серьезных затруднений: нельзя определить возраст рукописи по бумаге, неясно, копировался ли уже целиком готовый сборник или снимавший копию формировал его «на ходу» из разных источников и т. п. Обратимся непосредственно к нижеенисейскому сборнику.

Ксерокопия выполнена на длинных листах бумаги формата А–3, с применением масштабирования (с уменьшением); она сделана «в разворот», текст присутствует на одной стороне листов, обороты оставлены чистыми. Имеется сплошная постраничная пагинация арабскими цифрами в левом и правом верхних углах. Оригина

написан полууставом с элементами скорописи разных почерков. Четко выделяются по крайней мере три почерка, перемежающиеся на протяжении всего сборника. Многие сочинения, входящие в нижеенисейский сборник, имеют свою собственную полистную фолиацию кирилловской цифирью в нижнем правом углу, в том числе и те, которые расположены друг за другом и переписаны одним и тем же почерком. Возможно, когда-то они существовали отдельно.

Нижеенисейский сборник открывается текстом, в котором излагается явно исключительный случай в христианской практике; именно на подобные прецеденты крайнего характера, как мы знаем, опирались многие теории и соответствующая практика старообрядческих беспоповских согласий. Это выписка из трудов блаженного Августина; в ней рассказывается о крещении, которое совершил по просьбе жены-христианки турок-мусульманин и которое свыше, посредством чуда, было признано истинным. От епископа потребовалось лишь «довершение» миропомазанием этого эксклюзивного крещения⁴. Таким образом уже в самом начале сборника его составитель обозначает свое осуждение перекрещивания тех, кто был крещен во имя св. Троицы (трехкратное «аминь» в цитате после называния каждого лица Троицы позволяет староверу, как следует из общего контекста, осознавать этот текст как повествующий о трехпогружательном крещении).

Далее в сборнике на стр. 5–15, скорее всего, вариантом того же почерка переписаны постановления двух соборов часовенных, состоявшихся в Китае. Материалы одного из них, от 31 марта 1953 г. (и это самая поздняя дата, упоминающаяся в сборнике), были опубликованы; нижеенисейский список дает лишь небольшие отличия⁵. Второй собор, состоявшийся 15 апреля 1943 г. в п. Силинха, науке неизвестен. Почерк писца здесь тот же, что и раньше, но бумага была иной. Ксерокопия передает очертания разграфленной ведомости с китайскими иероглифами, причем формат ее был нестандартным, нижнее поле уходит за пределы ксерокопии. Таким образом, оригинал был написан либо в Китае, либо, что тоже возможно, на вывезенной оттуда бумаге (известно, что в 1940–е–1950-е гг. на Нижнем Енисее остро ощущался бумажный голод; для письма вынуждены были использовать даже бересту).

Материалы китайских соборов расположены в сборнике не в порядке хронологии, а, видимо, по важности для составителя их решений; их темы, как мы увидим, не раз еще пройдут в нижеенисейс-

ком сборнике. Здесь и запрет поклоняться иконам кисти «иноверных писцов», и положение о необходимости восприемников при крещении, и проблемы брачных отношений. Конкретных обстоятельств последних соборные постановления не излагают, однако обращает внимание, что решения принимались против расторжения браков. Отметим это как черту, важную для дальнейшего содержания сборника. Регулируются и другие проблемы поведения «истинных христиан». В частности, осуждается смещение с «чужими» в пищу и лечении, но спектр наказаний предусматривает и явно компромиссные меры воздействия вроде, например, чтения «прощения» за «ядение хлеба нужды ради». Особое внимание уделено проблеме спиртного, причем приведена детально разработанная сетка наказаний за разные нарушения в этой сфере, которые призваны воздействовать на ослушников мерами разной тяжести от отлучения ослушников только на две недели до отлучения виновных вместе с семьями. Подтверждается обязательность употребления богоявленной воды «великаго освящения», подробно обсуждается вопрос о различии священника и настоятеля, фиксируются полномочия последнего.

На стр. 16 почерк писца меняется, теперь это куда более небрежный полуустав; он прослеживается по стр. 36 включительно и пребивается первым почерком только на стр. 19: им передан фрагмент слова 105 св. Ефрема Сирина об антихристе, причем он врезается в предыдущий текст на середине фразы, которая продолжена на обороте листа (то есть на стр. 20) вторым почерком. Все пространство тр. 16–36 занято традиционной для старообрядческих сочинений компиляцией: подборкой выписок из различных авторитетных источников без объединения их каким-либо авторским текстом. Это явление не раз анализировалось в историографии, причем отмечалось, что отсутствие собственного текста составителя не мешало подобным компиляциям играть роль целостного сочинения с набором определенных идей⁶. Попробуем проследить, что в первую очередь волновало компилятора нижеенисейского сборника.

Цитаты, начиная со стр. 16, посвящены теме «чистого жития», спасения на «узком пути», теме «верных», которые познаются не по внешним признакам, а по душе – не по причастию, а по житию и делам. Вторгшаяся, как упоминалось выше, цитата инога почерка из св. Ефрема Сирина не противоречит общему контексту: в ней говорится об имеющих боговидение, которые, в отличие от приверженных «житейским вещам», уразумеют пришествие Антихриста.

Вслед за этим следует обширная подборка изречений о необходимости уличения брата по вере в его заблуждениях и уведомления о них в спасительных целях духовного отца, что будет свидетельством истинной, а не ложной дружбы, скрывающей грех и толкающей тем человека к гибели. Далее составитель плавно переходит к теме грехов вообще. Уделяется здесь внимание и тем неблагообразным развлечениям («играм, беседам, кошунам»), о которых принимали решения на китайском соборе 1953 г. Особенно большая подборка цитат посвящена пьянству, также находившемуся в центре внимания того же собора. Одно из речений подводит итог: все это делает христиан не лучше «поганных».

Тут логично возникает тема, опять-таки перекликающаяся с упомянутыми нормативными материалами соборов, о смешении с законопреступниками, которые рассматриваются как «чужие», в одном ряду с «погаными», иноверными. Со злыми людьми, законопреступниками, гласят цитируемые тексты, нужно разрывать связи, даже если это самые близкие родственники, такие как мать или отец. Рядом с обличением нравственной ущербности идут филиппики в адрес искажающих церковный обряд, знакомые по еще дониконовским временам: осуждается неисполнение земных поклонов в Великий пост, многогласие и др. Выписка из Книги о вере еще раз, следуя средневековой традиции, тесно связывает истинную веру с нравственной добродетелью, вероучительное богословие с нравоучительным.

Чистый лист с оборотом отделяет эту часть сборника от следующего большого блока, написанного третьим почерком, характерным ярко выраженными особенностями. Блок занимает страницы 37–146 и включает постановления ряда часовенных соборов, начиная с Невьянского 1777 г. и кончая Пермским 1888 г., вслед за которыми помещены жития иноков Авраамия и Феодосия. Именно этот блок составляет содержание сборника А.Г. Мурачева, о котором шла речь выше⁷. Если проследить, что объединяет нормативные материалы этих соборов с конца XVIII в. до конца XIX в., то мы обнаружим уже знакомые нам по предыдущим частям сборника проблемы. Только теперь перед нами достаточно представительная ретроспектива их решения за целое столетие наиболее авторитетным способом: коллективно выраженным и кодифицированным церковным мнением. Дополненные историческими сочинениями часовенных, они прежде всего содержат своеобразный символ веры часовенного согласия, вернее, той его ветви, которая до конца сохраня-

ла память о своем поповском прошлом, почитала его праведников и мучеников, в том числе и в священном сане.

Все соборы вынуждены были прежде всего решать больной вопрос о священной иерархии. И если первые подробно обосновывали правомочность и законность «правленного» священства, то последние, включая Пермский, указывали на повсеместное распространение в России «обливательного» крещения и принципиальную невозможность поэтому принимать духовенство от официальной церкви «вторым чином», через миропомазание. Тюменский собор 1840 г. вынужден был отказаться от такого духовенства еще и из-за жестких правительственных запретов и преследования. В конце XIX в. ситуация изменилась, однако согласие не стало возвращаться к «поповской» практике именно по указанной причине. Сходным образом в 1888–1889 гг. аргументирует отказ от приема «никонианских» священников уральский полковник Иван Канбулин в своем Цветнике⁸. Постепенное замещение места священника наставниками тоже постоянно обсуждалось соборами, подчеркивалось особо почетное место последних в общине, необходимость относиться к ним с пиететом. На соборах постоянно обсуждается вопрос о крещении, связанных с ним обрядах, что получает дополнительную актуальность в связи с проблемой «обливательного» крещения и вопросом о приеме в согласие новых членов, приходящих от «никониан». Щелконоговский собор 1802 г. признавал законным крещение младенцев, совершенное как «правленными» священниками, так и настоятелями и даже, в крайних случаях, женщинами – учеными и беспорочной жизни. От «никониан» на том же соборе предписывалось принимать людей всего лишь «третьим чином, через проклятие ересей. Пермский собор стоит в последнем случае на противоположных позициях из-за того, что у «никониан» распространено крещение не только «обливательное», но и в одно погружение (то есть не в св. Троицу, каждое из лиц которой староверами произносились при очередном погружении). Пермский собор прием «от никониан» утверждает уже через перекрещивание первым чином. Эта проблема будет дискутироваться в часовенном согласии весь XX в., и постепенно перекрещивание начинают практиковать для всех, пришедших «от еретик», даже из старообрядческих согласий. Скорее всего, составитель нижееннисейского сборника был несогласен с этим; поэтому, очевидно, сборник и начинается столь необычным текстом о благодатности любого трехпогружительного крещения «во святую Троицу».

Вопросы крещения и перекрещивания вплотную выводят на проблему отношения истинных христиан с «чужими». На этом так или иначе останавливались все часовенные соборы, в соответствии со средневековой традицией вплотную привязывая к верности своей вере и к сохранению незапятнанного морального облика христианина запрет на «смешение» – этому, как уже говорилось, было отведено немало места в предшествующей подборке нравоучительных цитат сборника. Причем разные соборы иногда давали здесь неодинаковое решение. Наиболее, пожалуй, склонный к компромиссам Щелконоговский собор 1802 г. дает подробную регламентацию «правильной» одежды только в отношении молитвенных одеяний (п. 18–19, стр. 73), а уже Тюменский собор 1840 г. часть этих требований переносит на повседневную (п. 6–7, стр. 87, 88). Очевидно, тут по разному проявляются как вынужденные уступки новому в быту, так и нараставшее стремление противостоять напору чужой культуры ради сохранения своей самобытности, понимаемой как верность отеческой истине. Тот же Щелконоговский собор требовал иметь отдельные от «чужих» не только чашки и ложки, но также вилки и стаканы (п. 10, стр. 71), ранее для крестьянского была нехарактерные. Интересно, что при определении запрещенной одежды этот собор употребляет такое общее понятие как «модная одежда» (п. 12, стр. 72) – для крестьянского сознания самого начала XIX в. явление не столь уж рядовое и указывающее на его продвинутость и включенность, несмотря ни на что, в культуру новой цивилизации⁹.

Носит многоступенчатый характер ряд постановлений Щелконоговского собора, посвященных спиртным напиткам, их употреблению и злоупотреблению ими (тема, актуализированная и в предшествующих нравоучительных цитатах сборника). Запрещается покупать вино с винных заводов, но сваренное (обязательно с благословения наставника!) своими христианами – можно; в ограниченных количествах его разрешено употреблять на свадьбах и в молитвенном доме. Запрещено принимать на общую молитву и сообщаться в еде с людьми, «которые... уклонятся в пьянство» и будут «творить мирския дела, и жизнь поведут рашкошную». Однако не рекомендовалось отказывать им в требах и нуждах, «чтобы они вовсе не отчаялись. А когда пожелают приобщиться, то им пороку не творить» (п. 35–39, стр. 79, 80). В отношении людей, уклоняющихся по слабости с истинного пути, было вынесено специальное постановление собора: их предписывалось в надежде исправления

«воздерживать», а «не отгонять от церкви» (п. 34, стр. 78). В отличие от этих установлений Тюменский собор 1840 г. однозначно запрещает христианам не только покупать вино, но даже варить домашнее пиво (п. 2, стр. 86); Теренкульский собор 1889 г. не только ставит «винопивцев» в один ряд с «чайниками» (т. е. употребляющими чай), единодушно исключаемыми всеми соборами из числа христиан, не только запрещает общение с ними, но и не разрешает у них исполнение треб и нужд, пока они не исправятся (п. 4, стр. 96).

Двойственные решения были приняты Щелконоговским собором о тех, кто прибегает к услугам официальной церкви, не порывая со своей верой. С одной стороны, запрещалось общаться в молении и еде с теми, кто ходит молиться в никонианскую церковь (п. 9, стр. 71). Однако для заключающих браки в ней полагалось не извержение из общины, а отлучение на три года. Те же, «которые страха ради крыющиеся под церквою никонианской, а состоят христианами, таковыя тай веру держат, то таковых христианом не отгонять» (п. 17, стр. 73; п. 32, стр. 78). Напротив, Тюменский собор в своем заключительном, 11-м правиле постановил записать: «Кто в два пути ходит и двоеверие любит, таковой есть еретик» (стр. 89).

Блок, состоящий из соборных постановлений и исторических повествований часовенных XVIII–XIX вв., отделен от дальнейшего текста двумя чистыми страницами, и со стр. 149 меняется почерк. Теперь это вновь рука писца, которому принадлежит комплекс цитат на стр. 16–36. И весь последующий текст до стр. 182 относится к тому же типу веро- и нравоучительных выписок. При этом обнаруживается разительное сходство круга интересующих компилятора идей с выявленным ранее на стр. 16–36: тут и необходимость покаяния, обличения грехов ближнего ради его спасения, невозможность спасения без добрых дел, и тема чистой жизни и грехов, из которых особое внимание опять-таки уделяется пьянству, и тема истинной веры и ересей, и проблема священства, и ряд частных вопросов о браках, богоявленной воде и т.д. Мало того, сам порядок, в котором появляются нравоучения на ту или иную тему, примерно тот же самый, только цитаты подобраны иные; объем нового комплекса выписок более чем вдвое превышает прежний.

Новый текст сборника, который следует за указанным комплексом выписок, по общему правилу также отделен чистыми страницами (183 и 184). Этот текст даже оформлен по-иному, ему присвоено собственное название: «Книга памятная, имеются в ней доказатель-

ства из Священного Писания, и из правил святых апостол и богоносных отец наших». Текст с этим названием занимает очень большой объем – со стр. 185 по стр. 319 (в конце его есть значительные неясного происхождения сбои в постраничной пагинации). Однако перед нами не сочинение с авторским текстом, а уже предпринятая в третий раз еще более обширная подборка цитат из авторитетных источников. Авторский текст присутствует лишь в названиях глав, которые обозначают основную тему, и в тех случаях, когда вместо цитаты дан лишь ее краткий пересказ. После красиво обрамленного названия следует нечто вроде оглавления, на деле представляющее собой полистный указатель наиболее животрепещущих тем, которые освещает тот или иной набор цитат. Сами цитаты так же, как и название, отделены друг от друга горизонтальными линиями и расположены на страницах, как правило, поделенных надвое двумя вертикальными чертами. Для цитат таким образом как бы образованы четко выделяющие их ячейки. Однако, по-видимому, составление «Книги памятной» осталось незаконченным, так как многие из них оставлены пустыми. Еще одна характерная внешняя особенность «Книги» – ее текст написан не одним почерком, а многими, среди которых присутствуют и все выделенные нами ранее. Основной комплекс цитат, судя по ряду упомянутых выходных данных, относится к источникам, появившимся до конца XIX в., а наиболее поздний ее датированный источник – выписка о 950-летию крещения Руси из газеты «Харбинское время» от 6 августа 1938 г. (гл. 26, стр. 263). Таким образом, наличие материалов, связанных с русскими старообрядческими общинами в Китае, объединяет «Книгу памятную» с материалами китайских соборов из начала нижненисейского сборника и также указывает на общность происхождения.

По сравнению с двумя предыдущими комплексами цитат в «Книге памятной» появляются совсем новые темы: так, ранее не упоминалось «о кресте и титле», «об австрийских», «о суде перед неверными», «об исповедании мытаревом», о несправедном богатстве и торгующих, о злых женах, о явлении святых во снах и мн. др. Однако немало и таких тем, которые выдают как родовое сходство «Книги» с предыдущими комплексами выписок, так и опосредованную связь с соборными постановлениями часовенных XVIII–XIX вв. Например, первая же глава «Книги», названная «О церкви Христовой», в которой собраны цитаты, доказывающие излюбленную мысль беспоповщины о том, что церковь не стены и покров, а вера и житие, собрание

верных (стр. 189, 190), перекликается с выпиской из Большого катехизиса во втором комплексе, где также ставится вопрос о том, что такое церковь, и говорится о собрании прихожан или доме любого христианина как церкви (стр. 162). Мало того, «Книгу памятную» объединяют с указанными комплексами не только тематика, но и прямое заимствование цитат. Так, на стр. 160–161 (второй комплекс) и на стр. 192 («Книги») переписана одна и та же большая цитата из гл. 23 Большого катехизиса об истинном крестном знамении и печати антихриста. На стр. 200 («Книга») – общая с первым комплексом (с. 27) цитата из гл. 2 Книги о вере об ищущих людской славы и сладкой мирской жизни. На стр. 232–235 («Книга») приведена большая цитата из слова на иконоборцев Германа, патриарха Константинопольского; небольшой фрагмент ее имеется и в первом комплексе на стр. 29, 30. Примеры можно многократно умножить.

Что касается переклички с постановлениями часовенных соборов, то она шла не через цитаты, а иным путем – близостью затронутых тем. Ее можно усмотреть в теме отлучения от церкви, «несмешения с блудниками мира сего» (гл. 3 «Книги»), которая проходит в решениях всех соборов, как, впрочем, и в первых двух комплексах цитат. Глава 8 «Книги», в которой подобрано 5 цитат из Пролога о святых женах, крестивших и учивших народ, пересекается с упоминавшимся выше 22-м постановлением Щелконоговского собора об ученых женах (стр. 74). В «Книге» эта тема получила более радикальное развитие: на стр. 282 приводятся цитаты об угодивших Богу женах, которые даже кадили и раздавали святое миро. Все соборы дружно требовали отлучать от церкви бреющих бороду; гл. 28 «Книги» отведена цитатам из Книги о вере, Кормчей, Пролога и Четьих Миней с осуждением брадобрития. То же касается темы пьянства, обличению которого в «Книге» посвящена гл. 11. Аналогично обстоит дело с темой гл. 10, посвященной праву простолудинов исповедывать и т.д. и т.п.

Однако в составе «Книги памятной» выделяется ряд цитат, которые проходят в ней с начала до конца и поражают, если так можно выразиться, экстравагантностью описанных там прецедентов христианской практики, имеющих тот же характер, что и открывающая сборник цитата из блаженного Августина. Так, глава 7 посвящена примерам из Пролога о разных необычных, но тем не менее признанных законными случаях крещения – от самокрещения до крещения окроплением и дождем (стр. 215). Далее компиля-

тор фиксирует существование в древности неосуждаемой платы духовенству за требы (стр. 217, 224), которую, как известно, всегда резко критиковали староверы. Глава 20 «Книги памятной» посвящена теме о невозбранности умеренного употребления вина, где приводятся примеры, что и святые принимали спиртное (вспомним постановления Щелконоговского собора!). Компилятор, по своему пересказывая тексты исторических трудов С.М. Соловьева, уверен, что у св. князя Владимира одним из инструментов христианизации Руси служили нескончаемые пиры, которыми он и заманивал язычников в новую веру (стр. 253). Глава 21 в «Книге» озаглавлена так: «Музыка и игры были и прежде»; в ней речь идет о мирном сосуществовании в древности светской и церковной музыки (стр. 256, 257). Нужно отметить, что по данному вопросу постановления часовенных соборов декларировали однозначную нетерпимость, и в полном соответствии с этой позицией приводились цитаты в нравоучительных компиляциях. Перечень возможных отступлений продолжается ссылками на терпимое в отдельных случаях отношение духовенства к многоженству и многочисленным повторным бракам, практику совместной молитвы в одном храме христиан с иноверцами, существование в древности их нерасторгаемых браков и т.д. и т.п. (стр. 261–264 и др.). В конце «Книги» на стр. 288 приводится, возможно, как обобщение этих наблюдений подборка цитат из церковных историков древности и изречений святых о повсеместном невозбранном существовании в одном вероисповедании разных обрядов и обычаев.

Подобная систематическая подборка фактов, как будто бы направленная на подрыв всех устоев старообрядчества, вряд ли преследует эту цель, тем более, что соседствует в «Книге памятной» с массивами выписок прямо противоположного характера. Скорее всего, здесь перед нами стремление доказать правомочность компромисса, возможность отступления от жестких правил в условиях Нового времени. Во второй половине XX в. сибирские часовенные, в том числе и на Нижнем Енисее, существенно продвинулись по этой дороге, а в 1970–е гг. в нижеенисейских скитах тоже будут рассуждать о равноценности разных церковных обрядов и обыкновений, многие из которых хотя и поддерживаются никонианской церковью, но не являются ересью¹⁰.

Сборник завершается копиями текстов, которые придают ему характер конволюта. Это ксерокопия гл. 55 супрасльского издания

1788 г. Альфы и Омеги (обширные выдержки оттуда приводились во втором комплексе цитат на стр. 168–177) и машинописной копии письма от 10 июня 1886 г., посланного неким Кондратием Степановичем своему ученику Василию Ефремовичу и посвященного воспоминаниям о разгроме Иргизских монастырей при Николае I.

Подводя итоги, можем сказать, что нижееннисейский сборник свидетельствует о новом этапе в развитии рукописной, и в целом книжной, традиции староверов, связанной с проникновением в эту среду современной копировальной техники. После проведенного обзора ясно, что оригинал, с которого снята ксерокопия, создавался коллективом книжников (не менее трех человек) на территории Китая или вскоре после выезда оттуда (характерно, что сборник не знает ни одного из соборов сибирских часовенных как первой, так и второй половины XX в.). В их распоряжении было рукописное наследие той ветви урало-сибирских часовенных, которые не отвергали свое поповское прошлое; хранителями этой традиции в районе Нижнего Енисея сейчас являются Дубчесские скиты, в сфере влияния которых находятся и часовенные п. Бурный, откуда происходит ксерокопия. Этот центр исторически связан с урало-сибирскими скитами Нифонта–Силуяна и Саввы конца XIX – первой половины XX вв. и сложился в процессе бегства староверов все далее на восток вследствие преследований советской власти. Какая-то часть этих беглецов сумела найти спасение на территории Китая и во время вынужденного переселения оттуда во второй половине XX в. оказалась в конце концов на территории Нижнего Енисея. Для мировоззрения составителей сборников характерно не только бережное отношение к древнерусской идейной традиции и вкладу в нее часовенных книжников прошлых веков, но и попытки ее творческой переработки в поисках компромисса с новой действительностью под влиянием чуждой прежде культуры. Подобные попытки не были единичными в нижееннисейской часовенной округе последней четверти XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собрание ИИ СО РАН, № 3/04–г.

² Духовная литература староверов России XVII–XX вв. Новосибирск (в печати).

³ Оставляя детальное изучение новых редакций специалистам, упомянем лишь о нескольких важных чертах этих текстов. Так, А. Т. Шашков отметил в указанном комментарии, что текст постановлений Тюменского собора 1840 г.

из сборника А.Г. Мурачева сокращен по сравнению с уже опубликованным (См. Духовная литература староверов востока России в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 334–338). Отличия шире, в частности, они касаются и важных формулировок, относящихся к проблеме «правленого» священства. Порядковые номера постановлений в списках практически не совпадают, наблюдается разница в их содержании, в том числе есть и дополнения по сравнению с публикацией 1999 г. Особенно выразительно дополнение к постановлению о послушании детей родителям, по жесткости едва ли не напоминающие законы Ветхого завета на ту же тему: «10–е. Которые дети станут противничать родителем, то их высадить на улицу нагих; как нагих родили, так нагих и высадить» (Собрание ИИ СО РАН, № 3/04-г, Л. 24 об.).

⁴ Собрание ИИ СО РАН, № 4/04-г, С. 1–3.

⁵ Духовная литература... С. 381–383.

⁶ См., напр.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы–часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Новосибирск, 2002. С. 146 и др.; *Гурьянова Н. С.* О приемах построения текста писателями–старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура, наука, образование. 2004. № 3. С. 23–28.

⁷ Сравнение совпадающих текстов двух сборников показывает, что А.Г. Мурачев с большим пиететом отнесся к своему источнику и сохранил все его особенности, от написания слова «христиане» через «а» (для самого Мурачева обычно более традиционное начертание «христиане» через «я») и до повторения ошибки во времени заседаний нескольких соборов (при переводе даты от сотворения мира на дату от Рождества Христова).

⁸ О спорах в часовенном согласии по поводу приема от «никониан» священников, поисках истинной иерархии даже в конце XIX в., много писали. См.: *Байдин В. И.* Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40–е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 90–96; *Байдин В. И., Шашков А. Т.* Историко–культурные традиции населения Зауралья XVII–XIX вв. // ПЛПКЗ. Т. 1. Вып. 1. Свердловск, 1991. С. 9–53; *Они же.* Старообрядчество и книжно–рукописная традиция Зауралья XVII – начала XX вв. // Там же. Т. 2. Вып. 1. Екатеринбург, 1993. С. 5–49; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы–часовенные... С. 72–78, 219–222.

⁹ В этом отношении чрезвычайно характерно одно из постановлений Рамыльского собора от 21 января 1890 г., которые имеются только в нижеенисейском сборнике: как нехристианский отменяется обычай свадебных торжеств, во время коих «возят рубашку, в которой молодая на ложе с мужем находилась» (правило 1, стр. 111). Постановление часовенного собора вполне поддержал бы любой прогрессивный интеллигент того времени.

¹⁰ *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы–часовенные... С. 88–97, 403–408.